

С. Б. ФИЛАТОВ

Российский протестантизм: успех в равнодушном к вере обществе

Насколько в России укоренен протестантизм? Ответ зависит от формулировки вопроса. В России протестантизм возник не намного позже, чем в Западной Европе. Лютер прибил свои 95 тезисов к вратам Виттенбергского собора в 1517 г., а уже в 1576 г. в Москве появляется лютеранская церковь.

К концу XVIII в. в России существует многочисленная влиятельная и высокообразованная лютеранская община, имеющая широкие связи со своими единоверцами на Западе и откликающаяся на их духовные поиски. Кроме того, в крупнейших городах России многовековую историю имеют реформатские и англиканские общины. Они не были столь многочисленны, как лютеранские, но и они имели богатую, хорошо образованную и влиятельную паству, развитые образовательные и благотворительные институты. С конца XVII в. протестанты играли существенную роль во всех сферах жизни нашей страны.

Однако все эти протестанты были выходцами из стран Западной Европы. И если протестантизм в России появился в XVI в., то русский протестантизм возник лишь в конце XIX в., когда первые русские люди приняли баптизм. Три века сосуществования русских с протестантами, если вдуматься, — явление удивительное: люди жили рядом друг с другом, работали, ходили на войну, учились, но при этом (за исключением смешанных браков, когда русская невеста принимала веру немца-мужа) практически не было случаев перехода русских в протестантизм. В XIX в. среди обрусевших российских немцев, предки которых уже давно переселились на новую родину, существовали даже русскоязычные общины — то есть уже совсем почти «русские протестанты», и все же неви-

димый культурно-национальный барьер четко отделял русских от протестантизма. Невосприимчивость русского православного сознания к протестантской проповеди особенно примечательна в сравнении с привлекательностью для определенных слоев русского общества католицизма, распространения которого Русская церковь и российская власть всегда боялись и со случаями которого жестоко боролись.

Первые случаи обращения русских — в 1860–1870 гг. — также в основном приходятся, строго говоря, не на православных людей. Первыми русскими протестантами (евангелистами и баптистами) становились, с одной стороны, молокане-крестьяне, а с другой — представители равнодушной к религии петербургской аристократии, которые православными были лишь формально (см.: *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность. СПб., 1997. С. 223–236).

Как отмечает американский исследователь В. Заватски, «только в 1920-е гг. большинство принявших баптизм и евангелизм были православными» (*Заватски В.* Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995. С. 37), но в 1920-е гг. это были «православные», не столь тесно связанные со своей Церковью, как до революции.

К 1917 г. в Российской империи проживало около 200 тысяч баптистов и евангелистов. Большинство из них жило на Украине, значительную часть составляли немцы, латыши, эстонцы. Баптисты и евангелисты к 1917 г. составляли громадное большинство русских протестантов (кроме того, к этому времени в России было около 7 тыс. адвентистов, возникших в 1890-е гг.).

Русский баптизм-евангелизм к 1917 г. находился еще в стадии становления. Его идейное и организационное лицо во многом определялось его происхождением — с одной стороны, «родимыми пятнами молоканства и духоборства», а с другой — непосредственным культурно-историческим влиянием западных миссионеров, активно участвовавших в формировании церквей своих российских единоверцев. Тем не менее уже тогда сформировались два принципиально различных течения, которые, модифицируясь, вновь (и даже более ярко) проявляют себя и в наши дни.

Лидером одного из них, евангелического, был Иван Проханов. Прохановцы отличались сравнительным равнодушием к богословским и богослужебным вопросам, в то же время более активно занимались проповедью, уделяли много сил и внимания

социальным и политическим проблемам. И. Проханов строил планы преобразования России на евангельских принципах и даже реформирования Православной церкви.

Другое направление — баптистское, не имевшее общепризнанного лидера, но олицетворением которого может служить проповедник и богослов Иван Каргель. Представители этого направления чужды социальным и политическим вопросам, они думают о Небесном, а не земном Отечестве; братья по вере, проживающие в других государствах, им ближе незнающих истинного Бога сограждан. Благочестие, формы богослужения, поиски личных отношений с Богом — вот в чем смысл их веры.

Двадцатые годы были периодом короткого расцвета протестантизма. Коммунистическая власть, видевшая главного врага на пути своей окончательной победы в православии, сравнительно терпимо относилась к протестантам. Баптизм-евангелизм очень быстро распространялся по стране. В эти годы в России появилось пятидесятничество, которое успело закрепиться на русской почве буквально за несколько лет до тотальных репрессий.

С конца 1920-х гг. советская власть потеряла свое благодушие. Жесточайшие репрессии обрушились на всех протестантов — баптистов-евангелистов, адвентистов, пятидесятников, национальные лютеранские церкви немцев и финнов и др. К 1940 г. все протестанты находились на нелегальном положении, а некоторые небольшие церкви (например, реформатская или возникшие незадолго до революции российская Армия Спасения, методистская церковь) были уничтожены полностью.

Несмотря на то что в 1940-е гг. протестантам были даны некоторые послабления, трудно было представить, что после советской власти они смогут подняться из праха. Однако реалии сегодняшнего дня говорят о том, что последние двенадцать лет религиозной свободы стали годами наибольших успехов протестантизма по сравнению с другими вероисповеданиями и религиями. Что-то случилось в духовном облике русского человека — протестантизм, никогда не привлекавший русских, становится наиболее успешно развивающейся ветвью христианства. Успехи протестантизма особенно заметны на фоне общей низкой религиозности и относительной слабости других вероисповеданий.

Основные успехи православия — в идеологической, культурной и политической области. Российское общественное мнение отныне относится к православию с большим почтением. Большинство

русских считает себя православными. В стране отсутствуют сколько-нибудь значительные антиправославные, антиклерикальные настроения. Православная церковь фактически получила полуофициальный статус. Власти используют ее авторитет в политической борьбе. На средства бюджетов различных уровней, а также на средства крупного бизнеса, вследствие прямого давления властей, по всей стране строятся и реставрируются церкви (подробнее см.: *Филатов С. Б.* Новое рождение старой идеи: православие как национальный символ // Политические исследования. 1999. № 3. С. 138–149).

Однако в собственно религиозной сфере успехи Русской православной церкви (РПЦ) более чем скромные. Опросы показывают, что менее 10% (а по некоторым данным, и 2%) населения — практикующие православные (см.: *Каарийнен К., Фурман Д. Е.* Верующие, атеисты и прочие (Эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997. № 6). Общинная жизнь в приходах — большая редкость. За редким исключением инициатив отдельных священников, приходов и монастырей, социальное служение РПЦ имеет еще более скромный результат. Интеллектуальная, богословская жизнь церкви также практически не видна.

Возрождение ислама среди традиционно мусульманских народов имеет тот же характер (в какой-то степени исключение составляют некоторые народы Чечни, Ингушетии и Дагестана, но и их исламская религиозность гораздо меньше, чем это считается общественным мнением), что и православия у русских. Много идеологии, культуры, политики и совсем незначительное число регулярно практикующих верующих (см.: *Filatov S.* Religion, Power and Nationhood in Sovereign Bashkortostan // Religion, State and Society (Oxford), 1997. No 3. P. 268–280; *Filatov S.* Tatarstan: at the Crossroads of Islam and Orthodoxy // Religion, State and Society, 1998. No 3/4. P. 265–277).

В СМИ и в политических кругах много говорилось (и, как правило, с тревогой) о росте новых религиозных движений (так называемых тоталитарных сект). Однако к концу 1999 г. вполне обнаружилась их малочисленность и слабость, гораздо меньшее их распространение, чем на Западе.

На этом фоне относительный успех протестантов выглядит более чем впечатляюще. Для того чтобы понять, сколь многого добились протестанты, вспомним, что представлял собой российский протестантизм в середине 1980-х гг.

К началу «перестройки» на территории нынешней Российской Федерации протестантизм был представлен баптизмом-евангелизмом (организационно оформленным во Всесоюзный союз ЕХБ и нелегальную организацию Совет Церквей ЕХБ), пятидесятничеством и адвентизмом. Фактически на полуполюгальном положении находились общины немецких и финских лютеран. Все остальные направления протестантизма либо не присутствовали в России вообще, либо имели чисто символическое представительство.

В большинстве регионов России был легально представлен лишь ВСЕХБ, он фактически и определял лицо российского протестантизма. В 1940-е гг. (а кое-кого позже) власти принудили влиться в это объединение представителей различных протестантских течений. В результате пребывания в одной централизованной организации во ВСЕХБ сформировалась определенная объединяющая идеология. Эта идеология должна была быть достаточно широкой и общей, так как во ВСЕХБ входили церкви с различными особенностями вероучения. Эта идеология была сформирована и принималась большинством руководителей союзных общин на протяжении десятилетий с 1944 г. до конца 1980-х гг.

Баптистские черты, которые воплощались в усилении роли пресвитера в общине, достигли своего апогея и перешли определенную грань, разделяющую организационный централизм в общине, свойственный баптизму, и иерархичность, жесткий контроль в рамках большой разветвленной структуры, свойственные традиционным церквям. Пресвитер исполнял служение в общине, и на нем лежала вся ответственность за общинную жизнь. Верующие постепенно привыкали полностью доверяться пресвитеру. В качестве надзирателей за общинами в регионах был установлен институт уполномоченных ВСЕХБ (с 1947 г. — старшие пресвитеры). В рамках Союза, таким образом, была создана жесткая система иерархии: старший пресвитер — пресвитер — диакон.

Одной из особенностей жизни общин Союза было то, что практически вся религиозная деятельность сконцентрировалась на богослужении, состоявшем из чтения Библии, проповеди пресвитера и хлебопреломления один раз в месяц. Церковная жизнь для рядового верующего состояла в посещении Дома молитвы и следовании евангельским принципам в частной жизни. Пресвитер поддерживал евангельских христиан-баптистов, стараясь не поднимать в своей проповеди острых вопросов (о предопределении, отношении к государству, к евреям, к миссионерству и т. д.) и призывал обратить

внимание на свое внутреннее соответствие заповедям Божиим. Созерцательную атмосферу создавали эмоциональные песнопения, которым уделялось достаточно большое внимание, и благоговейная обстановка богослужения. Начавшее складываться до революции 1917 г. особое русское благочестие евангельских христиан и баптистов окончательно оформилось именно в советский период. Оно стало видоизменяться только с конца 1980-х гг.

Отношение к советской власти и в целом к государству было основано у руководителей Союза на представлениях, сложившихся в 1920–30-е гг. Лидером евангельского движения был тогда И. С. Проханов. Он с самого начала пошел на соглашение с большевиками и попытался осмыслить социализм в христианском контексте. У Проханова была даже идея создания Города Солнца — Евангельска, где жили бы коммуны христиан (*Митрохин Л. Н.* Указ. соч. С. 360–370). Когда власти стали активно бороться против всех верующих, И. С. Проханов, покинув Россию, остался за границей. Социальный евангелизм Проханова и других евангельских христиан уже тогда переплетался с тем советским патриотизмом, который складывался во ВСЕХБ с момента его создания. Внутри Союза сложилось мнение, что первое десятилетие советской власти было самым лучшим периодом в истории евангельского движения в России, а значит, и советская власть является самой подходящей для протестантов в России.

Действительно, большевики создали в 1920-х гг. благоприятные условия для развития послушного им баптизма, но в дальнейшем надежды евангельских лидеров не оправдались. Однако в официальных выступлениях руководство ВСЕХБ все же стремилось сохранить стереотип о «золотом веке» протестантов в 1920-е гг. и лишний раз подчеркнуть согласие с советской властью.

В то же время нельзя сказать, что все одинаково хорошо относились к советской власти. Даже зарегистрированная община не обязательно следовала именно этой публичной идеологии, которая была согласована с властями. Многие общины регистрировались совсем не потому, что церковь, входящая в централизованную организацию, хотела сама подчиниться контролю советской власти, проверявшей и пресвитера и кандидатуры на крещение. По жестким правилам ВСЕХБ креститься могли только совершеннолетние, достигшие 18 лет, хотя заместитель председателя ВСЕХБ Я. Жидкова М. Орлов заявлял о том, что люди от 18 до 25 лет слишком молоды и не должны составлять основной части крещаемых,

что было одним из требований властей (*Заватски В.* Указ. соч. С. 80). Члены церквей в какой-то мере верили, что в их стране можно прожить легально в христианской общине и уйти от тяжкого бремени подполья, нелегального существования. Власти иногда разгоняли даже зарегистрированные общины, а оставшееся большинство просто привыкло к постоянному давлению властей. Для большинства это стало атмосферой, которая окружала их смиренное служение внутри общины.

В среде членов общин Союза ЕХБ сложилась определенная форма советского патриотизма, сначала связанная с защитой Родины от внешнего врага в период Второй мировой войны, а затем заключающаяся в гордости за мощь и величие СССР, восхищения просторами и природой страны, где родились советские баптисты. Многие верующие участвовали в военных действиях. К примеру, председатель ВСЕХБ Яков Жидков потерял на войне двоих своих сыновей. Руководители ВСЕХБ подчеркивали, что советская власть разрешает им исповедовать свою веру. В выпусках «Братского вестника» особо отмечалась многонациональность в составе баптистских общин, подчеркивалась интернациональность Союза в целом. Подкрепляли патриотические чувства союзных баптистов и представления о том, что советская власть в идеале ставит перед собой благие цели и что сначала большевики дали протестантам определенную свободу. Кроме того, в статьях официальных деятелей Союза звучала мысль о том, что Господь управляет всеми народами и царствами, а поэтому он поставил и укрепил советский строй вместо тюрьмы народов, каковой была царская Россия (*Жидков Я.* Братский вестник. 1947. № 4. С. 5–6).

Из патриотизма плавно вытекала и советско-баптистская трудовая этика. Большинство рядовых баптистов работало на производстве или же в колхозах и были простыми советскими трудящимися. Этика эта заключалась в том, что настоящая любовь к Родине, к земле, на которой ты живешь, каким бы тоталитарным и безбожным ни было государство само по себе, должна подкрепляться честным трудом и выполнением распоряжений правительства. В данном случае классическая протестантская этика честного труда, который делается во имя Божье, претерпела в рамках идеологии ВСЕХБ существенные изменения. Стала более ярко проявляться тема труда ради Родины, на благо социалистического строительства. Это и стало честностью, которую требует Бог от верующего.

Такова была идеология ВСЕХБ, объединявшей подавляющее большинство российских протестантов.

ВСЕХБ противостоял ее непримиримый идейный противник — Совет церквей ЕХБ (СЦ ЕХБ) — инициативники. Инициативное движение возникло в 1961 г. на основе протеста против сервильного отношения ВСЕХБ к властям, отказа от работы с детьми, от миссионерства, от самостоятельности во внутрицерковной жизни. Инициативники были непримиримы в отстаивании своей свободы от тоталитарного государства. Среди них были подлинные герои, бесстрашно отстаивавшие свою веру от посягательств всемогущей репрессивной машины (подробнее см.: *Митрохин Л. Н.* Указ. соч. С. 410–430). Но многое сближало их с ВСЕХБ — замкнутость, отрицательное отношение к светской культуре, традиция соблюдения консервативных норм в быту (в одежде, стиле поведения). Государственный контроль был заменен внутрицерковным — члены общины следили друг за другом, а общины контролировались пасторами других общин. Специфическое пиетистское российское благочестие у диссидентов было, пожалуй, выражено еще сильнее, чем во ВСЕХБ.

Российский протестантизм (у менее многочисленных адвентистов и пятидесятников также были свои оппортунисты и диссиденты) занимал в религиозной, общественной и культурной жизни страны глубоко маргинальное положение — среди протестантов почти не было интеллигенции, они были социально и культурно пассивны.

Сразу после падения коммунизма в российском протестантизме начались интенсивные идейные и организационные процессы. В первую очередь отметим центробежное движение внутри баптизма-евангелизма, приведшее к появлению давно исчезнувших или никогда не существовавших в России идейных течений. Внутри ВСЕХБ (переименованного в 1991 г. в Российский союз ЕХБ) возникают евангелические течения, выступающие за большую социальную (а иногда и политическую) активность, начинают проявлять интерес к взаимодействию со светской культурой. В безразличной к догматическим проблемам баптистской среде растет интерес к богословским проблемам, появляются принципиальные кальвинисты и арминиане и т. д. и т. п. Внутри самой РСЕХБ растет недовольство излишней централизацией, патернализмом, пассивностью руководства, ее сервильизмом перед властью. Среди рядовых баптистовросло недовольство политикой

Союза, с подачи внутренней оппозиции в светской прессе появляются компрометирующие материалы на главу РСЕХБ Петра Коновальчика и некоторых других высших функционеров Союза (см.: *Лункин Р. Н.* Ничто человеческое протестантам не чуждо // НГ — Религии. 2000. № 6).

Начинается массовый выход общин из Союза. Руководство РСЕХБ реформирует организационные принципы союза, ослабляет централизацию, позволяет гораздо больший плюрализм мнений. К 1999 г. возникает несколько новых объединений баптистов и евангелистов (в которые вошли общины, вышедшие из РСЕХБ и Совета церквей, и до того автономные и созданные западными миссионерами), не имеющих за своими плечами груза советского прошлого и привносящих в жизнь российского протестантизма некоторые принципиально новые моменты. В этом отношении следует в первую очередь выделить Евангельский Христианский миссионерский союз (ЕХМС) и Ассоциацию церквей евангельских христиан (АЦЕХ).

ЕХМС, вобравший в себя ряд автономных общин, входивших в РС ЕХБ и СЦ ЕХБ, представляет собой религиозное движение, принципиально отличное от всего, что существовало в российском протестантизме при советской власти. ЕХМС, возникший в 1994 г., индифферентно относится к выбору форм богослужения и основной упор делает на миссионерство и евангелизацию, причем в основном работает с молодежью и интеллигенцией. Миссионеры ЕХМС используют в своей работе и элементы современной молодежной культуры, и культуры национальных меньшинств, среди которых ведут работу. Развивают благотворительную деятельность не только среди единоверцев, но и среди окружающего населения. Миссионеров ЕХМС содержат общины, и они все свое время посвящают проповеди, иногда проявляя изрядное мужество. Их можно встретить и в сомнительных питейных заведениях и в калмыцких чабанских стойбищах, в прикаспийских степях и в горных аулах Адыгеи, бесстрашно игнорирующих угрозы исламских экстремистов.

ЕХМС — результат эволюции российского баптизма, но в последнее время в России начинают укореняться евангелические течения, привнесенные в Россию западными миссионерами. Наиболее серьезным явлением такого рода стала АЦЕХ, возникшая в результате продуманной миссионерской деятельности американской организации East-West Ministries в 1998 г. В США это

церковное объединение не представляло бы ничего необычного. Идеология АЦЕХ — это идеология консервативного (можно сказать, фундаменталистского), кальвинистского баптизма, в то же время стоящего на позиции принципиальной поддержки демократического порядка и законопослушания. Поразительно, что число общин, входящих в АЦЕХ, быстро растет по всей стране и в ней (в отличие от традиционных российских церквей) сравнительно много интеллигенции, а духовным лидером АЦЕХ стал бывший профессор МГУ Николай Карчажкин.

Постепенно нормализуется ситуация и в РСЕХБ. Важнейшее значение для этого старейшего объединения российских протестантов имело избрание председателем РСЕХБ в 2002 г. Юрия Сипко. Сипко, в отличие от Коновальчика, имеет репутация мужественного и принципиального религиозного деятеля. При его руководстве союз стал внимательнее к нуждам общин и стал с большей терпимостью относиться к их позициям в различных вопросах как внутри РСЕХБ, так и вне его. Отток общин приостанавливается.

Баптизм-евангелизм за последние годы пережил серьезную эволюцию и заметный рост, но в неизмеримо большей степени это можно сказать о пятидесятничестве. К 2003 г. пятидесятничество обогнало баптизм-евангелизм по численности и по разнообразию входящих в него течений. Сейчас пятидесятничество — наиболее многочисленное и наиболее активное течение протестантизма в России.

При советской власти существовало лишь одно, находившееся на нелегальном положении, пятидесятническое объединение — Объединенная церковь христиан веры евангельской, возглавляемая мужественным узником совести Иваном Федотовым (сейчас он с гордостью рассказывает о 10-летнем заключении по сфабрикованному обвинению в человеческом жертвоприношении) и насчитывавшая до перестройки в России несколько десятков малочисленных общин. Идейно и социально объединение Федотова — это прямая аналогия Совета церквей в российском баптизме.

Еще в 1985 г. почти все пятидесятнические общины, состоявшие в ВСЕХБ, вышли из него и, объединившись с некоторыми автономными (в том числе и незарегистрированными) общинами создали свой самостоятельный союз — РСХВЕП во главе с Владимиром Мурзой (в 2002 г. его сменил Павел Окара). Наступившая религиозная свобода придала деятельности этого союза феноменальный динамизм.

Помимо этих двух пятидесятнических организаций, по всей России стали возникать, в основном в результате деятельности украинских, американских, корейских и западноевропейских миссионеров, независимые пятидесятнические общины.

Принципиально новым явлением стало возникновение (а к настоящему времени и преобладание в российском пятидесятничестве) общин харизматического направления. Вероучение традиционных пятидесятников и харизматов тождественно, основное отличие — в формах богослужения: у харизматов приняты более экзальтированные и энергичные практики. Из-за них харизматов часто обвиняют в манипулировании сознанием, использовании гипноза. Эти подозрения много раз приводили к судебным разбирательствам, но до сих пор ни разу обвинения эти не получили подтверждения в суде.

Динамичное харизматическое движение коренным образом изменило социальное лицо российского пятидесятничества. Оно привлекло много представителей социально активных слоев общества. Некоторые харизматические церкви — такие, например, как «Новое поколение» в Ярославле или «Виноградник», имеющие общины в нескольких городах Сибири, включают много образованной молодежи (что является совершенно новым для российского пятидесятничества).

Во многих регионах России харизматы стали организаторами различных экуменических объединений религиозных меньшинств, противодействующих нарушениям в области свободы совести. Многие харизматические церкви активно включились в политическую жизнь, в некоторых регионах — таких, как Хакасия, Удмуртия, Свердловская, Омская, Ярославская области, — сплоченная и хорошо организованная политическая активность харизматов-пятидесятников становится заметным фактором местной политической жизни. Пятидесятники (в том числе и харизматы) часто становятся общепризнанными чемпионами в благотворительности и социальной работе.

Харизматическое движение вызывает все возрастающее недовольство традиционных пятидесятников, неприемлющих их вольное и эмоциональное богослужение и некоторые формы социальной активности. Особенно это недовольство усилилось после принятия закона о свободе совести 1997 г. Этот закон фактически вынудил многие автономные харизматические церкви вступать в крупные централизованные религиозные объединения. У харизматических

пятидесятнических церквей было всего две альтернативы — возникшее в 1990 г. объединение «Церковь Божия», позднее преобразованное в Объединенный союз ХВЕП, созданный пастором Сергеем Ряховским, в котором харизматическое направление полностью господствует, и более традиционный РСХВЕП, ознанный Мурзой. По разным причинам многие харизматические церкви присоединились не к Объединенному союзу Ряховского, а к РСХВЕП, в котором к настоящему времени также добились большего влияния, чем традиционалисты. С 1999 г. группа пасторов-традиционалистов объединилась для противодействия харизматическому влиянию внутри СХВЕП, но это уже борьба обреченных. В обоих легальных союзах пятидесятников харизматическое направление, идейно и психологически более близкое западному, американскому пятидесятничеству, преобладает. Резерватом традиционного пятидесятничества осталось лишь принципиально отказывающаяся регистрироваться Объединенная церковь И. Федотова.

Церкви и общины, входящие в оба легальных союза пятидесятников — наиболее динамично развивающиеся христианские конфессии, представленные во всех регионах России, расширяющие свое влияние вне региональных столиц и в том числе в сельской местности, усиленно развивающие миссионерскую деятельность среди всех слоев населения и среди многих национальных меньшинств России, в том числе традиционно принадлежавших исламу и буддизму (*Lunkin R. Russia's Native Peoples: Their Paths to Christianity // Religion, State and Society (Oxford). 2000. № 1. P. 123–134*).

Если пятидесятничество было все же представлено на территории нынешней России до 1991 г., то широкое распространение лютеранства и методизма началось десять лет назад практически с нуля. До «перестройки» лютеранство формально считалось религией большей части российских немцев; латвийский епископ Гарольд Калниньш сумел составить списки «лютеранских» общин, которые он официально опекал. В реальности «лютеранские» немецкие общины были далеки от лютеранства, исторически еще до революции громадное большинство из них были диссидентскими пиетистскими общинами, стремившимися освободиться от опеки навязываемого им царскими властями официального лютеранского духовенства. Советская власть, уничтожившая российскую лютеранскую церковь, фактически создала благоприятную почву для существовавших и до революции тенденций: громадное

большинство российских немцев-«лютеран» стали баптистами или членами так называемых лютеранских «братских общин», по своему вероучению и самосознанию мало отличающихся от консервативных баптистов (*Stricler Gerd. Lutheraner in Sibirien // Glaube in der 2 Welt. 1998. No 7/8. P. 34–41*).

В 1994 г. под прямым покровительством, при финансовой и организационной поддержке лютеранской церкви Германии и властей ФРГ была создана Евангелическо-лютеранская церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии (ЕЛЦ) с центром в Санкт-Петербурге. Под давлением представителей ФРГ во главе церкви стал гражданин Германии архиепископ Георг Кречмар, почти все руководящие посты заняли священнослужители из ФРГ. Одной из главных целей церкви стала организация национально-культурной жизни российских немцев. ЕЛЦ должна была выполнять социальный заказ германского правительства по сдерживанию немецкой эмиграции из России. Однако уже сейчас можно сказать, что эти планы провалились. Глава церкви епископ Кречмар заявил в отчетном докладе на II Генеральном Синоде ЕЛЦ в мае 1999 г.: «По моим подсчетам, за последние 10 лет на постоянное место жительства в Германию выехало 4/5 всех тех прихожан, на которых мы рассчитывали» (Отчетный доклад архиепископа Георга Кречмара на II Генеральном Синоде ЕЛЦ 25–28 мая 1999 г. // Евангелическо-лютеранская церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. 1994–1999. СПб., 2000. С. 34).

Либеральная теология и централизованная бюрократическая организация оказались глубоко чуждыми громадному большинству консервативных и демократически настроенных российских немцев-«лютеран». После непродолжительной борьбы за влияние в церкви в 1994–1997 гг. российские немцы-пасторы были оттеснены. Но ЕЛЦ без паствы не осталась. Небольшую, но влиятельную часть ее прихожан составили российские немцы, обратившиеся к вере уже после перестройки, нашедшие себя в ЕЛЦ в первую очередь по национальным, культурным, идеологическим соображениям. Массовая эмиграция немцев из России могла бы привести к постепенному исчезновению лютеранства в нашей стране. Но этого не случилось. В ЕЛЦ потянулась интеллигентная, либерально настроенная русская молодежь. В приходах ЕЛЦ некоторых городов — например, Ярославля, Ульяновска, Красноярска, Владивостока, Ижевска, Казани русские уже сейчас составляют

подавляющее большинство (впрочем, в общине Казани много не только русских, но и татар). Из числа молодых русских интеллигентов готовятся пасторы, которые приходят на смену пасторам из Германии. ЕЛЦ быстро становится церковью русских, причем одной из очень немногих придерживающейся либеральной теологии (точнее сказать, одной из двух крупных церквей с либеральной теологией: вторая — Объединенная методистская церковь).

ЕЛЦ — не единственная лютеранская церковь, успешно завоевывающая сердца русских. Ее консервативные конкуренты — Церковь Ингрии и Библейская лютеранская церковь. Церковь Ингрии первоначально (в конце 1980-х — начале 1990-х гг.) представляла собой возродившуюся лютеранскую церковь коренного финноязычного населения Ленинградской области и некоторых окружающих регионов. Лютеранство среди ингерманландцев было полностью разгромлено при советской власти и фактически возродилось из небытия. Формально самостоятельная Евангелическая лютеранская церковь Ингрии конституировалась в 1991 г. Уже в первые годы существования церкви Ингрии ее пасторы не ограничивались миссионерством среди ингерманландцев — к церкви Ингрии стали присоединяться русские, в Петербурге, Москве, Красноярске, Нижнем Новгороде, Воронеже, Саратове и некоторых других городах возникли крупные чисто русские общины. Кроме того, миссионеры церкви Ингрии успешно работают среди финноязычных народов Поволжья и Северо-Востока европейской части России, которые никогда прежде лютеранами не были, — мордвы, мари, коми. В эти национальные приходы также вступает заметное число русских.

В Сибири аналогом церкви Ингрии стала имеющая чисто русское этническое лицо Библейская лютеранская церковь, к 1999 г. создавшая несколько крупных приходов, состоящих из интеллигентной молодежи. Русское лютеранство, никогда ранее не существовавшее, становится широко распространенным явлением, представленным в разных регионах России.

Не менее, если не более, важным явлением, чем российское лютеранство, за последние десять лет стал российский методизм. Досоветская история методизма насчитывает всего несколько лет существования нескольких методистских общин, возникших за несколько лет перед революцией и сразу после нее. Эти общины были разгромлены в 1920-х гг. Можно сказать, что методизма в России до нашего времени не было. Тем более впечатляюще выглядит быстрое распространение методизма в России.

Первые контакты Объединенной методистской церкви с Россией стали налаживаться еще в годы перестройки, сначала — через методистов в Прибалтике и через Корею. С 1989 г. устанавливаются связи и с американскими методистами. Объединенная методистская церковь пыталась официально укрепиться в России, первоначально действуя через Советский фонд мира, но ее миссионеры вначале не создавали общин, а лишь ограничивались материальной помощью, чтением отдельных лекций по Библии. После переворота 1991 г. ситуация изменилась. ОМЦ укрепляется в России в качестве религиозной, а не благотворительной организации. Основными принципами деятельности методистских миссионеров были и остаются: исключение массовой евангелизации, а только тесные личные контакты, а также серьезные библейские занятия для всех желающих.

Первым крупным действием стало создание «Российской инициативы» по договору с Фондом мира, в рамках которой устанавливалось партнерство между методистскими церквями в Америке и городами или областями в России. Первым шагом в партнерстве была помощь детским домам и другим социальным учреждениям. И только потом приезжали американские миссионеры, устраивались чтения лекций по истории религий, курсы английского языка, активные проповеди. Вскоре в городах возникали группы по изучению Библии, их целью было познакомить людей с христианством, чтобы люди поняли, что вера — личное дело каждого, а не общее. Методизм там представлялся как одно из оформлений веры. Если группы проявляли инициативу обратиться в методизм, то им высылался пастор, который уже создавал церковь.

Но ОМЦ не ограничилась действиями только через Фонд мира, такой процесс организации общин — лишь один из путей. Большинство же церквей было сформировано через личное свидетельство миссионеров и инициативу людей внутри самой России. Преобладающее количество общин возникло именно таким способом. В 1992 г. создана Российская объединенная методистская церковь (РОМЦ), но уже в 1991 г. официально зарегистрировали ряд церквей. За период активной деятельности ОМЦ, с 1992-го по настоящее время, методизм получил широкое распространение, а общины разбросаны по всей территории России. Повсюду он привлекает людей образованных, а в их общении внутри церкви царит неформальная атмосфера — проводятся обсуждения Библии, совместные чаепития, пение гимнов собственного сочинения.

Одной из причин быстрого распространения методизма является мягкость и гибкость его идеологических принципов, царящий в церкви «дух свободы». Рукоположение женщин стало открытой демонстрацией принципа равенства всех перед Богом. И в России РОМЦ стала первой церковью с женщинами-пасторами, их сейчас около половины. Хотя не все члены церкви выступают «за» в этом вопросе, но так как пасторы выдвигаются из самих общин, то противостояния не наблюдается. РОМЦ ведет активную работу с алкоголиками и наркоманами, создает благотворительные организации. Почти каждая община работает с лечебницами, обществами инвалидов. Создаются и целиком основанные методистами социальные центры, один из самых крупных — это Межнациональный гуманитарный центр по реабилитации наркоманов и алкоголиков в Воронеже.

Но все же приоритет отдается образовательной деятельности. При РОМЦ всегда действовали курсы по изучению иностранных языков, члены церкви читают лекции по библеистике и истории религии в школах и училищах, как в случае с общиной в московском районе Перово, или же эти лекции проводятся автономно по вечерам в клубах и церквях. Предпочтение образованию отдается потому, что через него люди смогут сами себе помочь в движении к самосовершенствованию, а в перспективе — помочь другим. Важнейший принцип для методизма, заложенный еще самим Уэсли, — путь к совершенству, как и категория «святости», являются и духовными, и социальными одновременно.

ОМЦ со своим пониманием свободы и служения была и является сейчас одной из самых либеральных и демократичных церквей. Одним из проявлений мягкости и гибкости стало то, что ОМЦ сейчас единственная крупная церковь в России, которая занимает либеральную, по российским меркам, позицию в вопросе гомосексуализма. В России методистская церковь привлекает большое число образованных людей. Их участие сделало методизм очень заметным явлением. Во многом интеллигенцию заинтересовала возможность соединения Библии с разумом и вера в интеллектуальный прогресс человечества, который осуществлялся под руководством самого Бога.

Методизм, будучи религией, принесенной из-за границы, в свою очередь пытается стать явлением российским и найти свои «корни» в истории и культуре России. Так, образцом истинного христианина для методистов в России стал протопоп Аввакум; элементы своего учения они находят в сочинениях Хомякова, Бердяева

и Соловьева. Поэтому проблема патриотизма встала в очень интересном ракурсе. Уже сейчас, на раннем этапе становления, выделилось «патриотическое» направление, выступающее за большую самостоятельность РОМЦ и за скорейшее избрание русского епископа (*Lunkin R. Methodists discuss selection of bishop // Keston News Service. 9 July. 1999*).

Востребованность методистских принципов современным российским обществом подтверждается возникновением и широким распространением аутентичного российского религиозного движения «Этика поведения». Лидеры этого движения впервые услышали об учении Уэсли от автора этой статьи, тем не менее в вероучении и религиозной практике «Этики поведения» многие принципиальные, основополагающие идеи близки, а то и идентичны методистским. «Этика поведения» возникла в Новосибирске в начале 1990-х гг, а к концу 1990-х гг. насчитывала уже более 100 клубов (так члены движения называют свои общины).

«Этика поведения» — движение, возникшее в первую очередь в результате религиозных исканий новосибирского учителя Сергея Устюжанина. В 1990 г. он пережил сильнейший кризис, ощущение потери смысла жизни, был близок к самоубийству. В тяжелейшую минуту кризиса он почувствовал присутствие Божие. Как он считает, у него появился дар ясновидения. Он осознал свою греховность и греховность окружающих. Устюжанин начал слышать «подсказки свыше». Главное откровение, которое он получил, — это осознание своей греховности, необходимости покаяния и полного исправления. Следующая «подсказка свыше» — мысль о необходимости создавать клубы, в которых он будет учить людей открытым им истинам. У него появился «дар убеждения».

В первое время Устюжанин осознавал себя членом Православной церкви. В 1990 г. он крестился у знаменитого сибирского либерального священника Бориса Пивоварова. Члены первых двух клубов в 1990–1992 гг. регулярно участвовали в православных богослужениях. Но постепенно у Устюжанина росло неприятие православия. По его мнению, РПЦ пронизана коррупцией, коммерцией и формализмом. Со временем он стал осуждать пышное византийское «театральное» богослужение, отказался от икон. Устюжанин пришел в Православную церковь человеком с определенными убеждениями, был в ней недолгое время, да и тогда жил своим умом. Громадное большинство его последователей также до обращения были неверующими.

Вероучение «Этики поведения» вырабатывается ими так, как будто истории христианства до них не было и они первыми открыли Библию. В их идеологии появляются как вполне фундаменталистские протестантские представления, так и утверждения, выходящие за рамки христианства (Устюжанин, например, допускает возможность реинкарнации). К тому же вероучение находится в стадии становления — некоторые принципиальные положения меняются на глазах. Спекулятивные богословские проблемы, однако, мало волнуют Устюжанина и его последователей. Основной их интерес заключается в совершенствовании человека, покаянии, преодолении греха и приближении к Богу. Аналогично методистской доктрине, спасение понимается как совместная работа Бога и человека. Человек преодолевает грех, а Бог помогает ему сделать каждый следующий шаг. Цель человека, преодолевающего свою греховность, — «попасть туда, откуда были извергнуты Адам и Ева», достичь «святости».

Одно из главных понятий теологии Устюжанина — «сознание». Сознание является таковым лишь вследствие преодоления греха, в противном случае это «полусознание». Когда человек избавляется от греха, в нем происходят физиологические изменения на нейронном уровне — плоть преобразуется. Истинно покаявшемуся, преодолевающему грех человеку Бог посылает духовные дары. Получив дары, человек способен прикосновением руки передавать их окружающим. Устюжанин уверен, что передал их в свое время целому школьному классу, в котором вел занятия.

«Этика поведения» проводит четкую грань между «религией» и «верой». Религия — это обрядность и формализм, не имеющие смысла и не приближающие человека к Богу. Вера должна быть сознательной, основанной на размышлении, на личном поиске Истины, она должна вести к покаянию и исправлению. Со слепой верой нужно бороться.

Устюжанин категорически не приемлет музыки, пения, какого-либо художественного оформления собраний «Этики поведения». Покаяние должно быть искренним и совершенно свободным. Человек должен вспомнить совершенный грех, осознать его и покаяться, произнести молитву: «Господи, прости мне, пожалуйста, этот грех. Помоги мне его больше не совершать». В «Этике поведения» разработано детальное описание грехов (нарушений этики) — всего около двухсот. Для их преодоления разработаны изошренные методики. Участники собраний делятся на «актив»

и «посетителей». Члены «актива» — люди, «не имеющие очевидных грехов», научившиеся основным принципам и методикам движения и считающие, что они получили дар свыше. Вся деятельность осуществляется принципиально бесплатно. Большинство последователей Устюжанина — учителя, врачи, инженеры.

После распада СССР не только среди представителей различных религий, но и у светских наблюдателей было широко распространено представление о том, что идеологический вакуум, возникший после падения коммунизма, будет быстро заполнен возрождающейся верой. Эти представления были опровергнуты временем: Россия остается одной из самых секуляризованных (если не самой секуляризованной) стран. Успехи и православия, и протестантизма, и католицизма, и ислама, и новых религиозных движений гораздо скромнее ожиданий конца 1980-х.

Тем не менее на этом общем скромном фоне успехи протестантизма наиболее значительны. Сейчас в России около 5 тыс. зарегистрированных протестантских общин, что составляет около трети от числа зарегистрированных православных религиозных организаций. Во многих городах (в основном на Дальнем Востоке и в Сибири) уже сейчас на рядовых воскресных богослужениях в протестантских церквях присутствует больше верующих, чем в церквях православных. Практически все конфессиональное многообразие протестантизма (а в этом кратком очерке я остановился лишь на наиболее значительных явлениях) не только привилось, но и укоренилось на русской почве. Протестантские общины не только растут быстрее всего, но и социально-демографический состав их наиболее перспективен — молодежь, мужчины, специалисты, бизнесмены...

Всего за 15 лет появилась многочисленная протестантская интеллигенция, которой никогда раньше не было. Современные российские протестанты, по сравнению с представителями других вероисповеданий, в том числе и православными, отличаются гораздо большим интересом к богословским вопросам. Целые направления протестантизма возникают в наши дни в результате спонтанных богословских поисков отдельных искателей Истины. Так, например, вновь возникла российская реформатская церковь. Самостоятельно изучая Библию несколько групп провинциальной интеллигенции пришли к ортодоксальному кальвинизму. Свое начало современное русское реформатство берет в библейских обществах, возникших в 1991 г. И хотя в начале 1990-х таких

обществ возникало множество, два общества, в Москве и Твери, занялись изучением не только Библии, но и различных христианских учений. Еще одна особенность этих обществ состоит в том, что они были созданы не по инициативе какой-либо церкви (как это бывало обычно), а независимой группой заинтересованных людей. В процессе изучения их привлек кальвинизм. С 1991 по 1993 год эти общества занимались изучением кальвинизма и одновременно налаживали контакты с иностранными церквями. В 1993 г. установили контакты с Голландской Консервативной Церковью Реформатов. С ее помощью общества по изучению Библии были превращены в полноценные церкви. Сначала были сформированы церкви в Москве и Твери. Позднее таким же образом возникают церкви в Брянске, Омске.

Создается впечатление, что Россия, веками абсолютно глухая к проповеди протестантизма, внезапно обрела к ней слух. И не просто обрела слух, но и оказалась в лице многих своих сыновей и дочерей очарована протестантизмом. Как будто догоняя упущенное время, все многообразие протестантских учений и религиозных прозрений находит в наши дни каких-то своих последователей. Этот новый российский протестантизм еще очень молод, среди его адептов практически нет людей с хорошим профессиональным теологическим образованием. Либо дилетантизм, либо подражательность пока что сдерживают развитие российской протестантской мысли, но молодость — недостаток, который быстро проходит.

Среди российских протестантов уже сейчас не так мало представителей художественной интеллигенции. Некоторые театральные коллективы при пятидесятнических церквях (например, в Ярославле) полностью состоят из профессиональных актеров. В провинциальных общинах присутствие художников, музыкантов, журналистов, преподавателей гуманитарных дисциплин — привычное дело. Появление высокопрофессиональной серьезной русской художественной культуры, вдохновленной протестантизмом, — лишь вопрос времени, его неизбежность уже теперь очевидна.

Если о протестантской художественной культуре можно говорить лишь в будущем времени, то в области социально-политической протестантское присутствие уже состоялось. Макс Вебер с его идеями «протестантского духа капитализма» воспринят как руководство к действию. Некоторые экономисты, социологи, бизнесмены пришли к протестантизму, исходя из представлений о том, что только в этой вере возможен честный, посвященный Богу труд

в миру, и только на основе этой веры может быть построен справедливый, «христианский» общественный порядок. Сейчас действует несколько серьезных общественных организаций социальной направленности, в том числе протестантов-предпринимателей, занимающихся социально-экономической проблематикой. Ярким примером такой организации могут служить «клубы достоинства», возглавляемые блестящим экономистом профессором Александром Зайченко. В этих клубах протестанты, в основном пасторы различных деноминаций, обсуждают пути христианского решения социально-экономических проблем и разрабатывают конкретные проекты.

Важнейшей стороной идейной эволюции российского протестантизма становятся поиски протестантской формулы русского патриотизма. Многие течения протестантизма активно ищут свои корни в истории, культуре и духовной жизни России, пытаются найти родственные явления в русском православии. Например, некоторые пятидесятнические группы создают себе легендарную историю со времен княгини Ольги; Христианский миссионерский союз проповедует о существовании протестантской традиции в русском православии, к которой причисляет и Сергия Радонежского, и Филиппа Колычева, и Александра Меня; лютеране церкви Ингрии и сибирской Лютеранской Библистской церкви адаптируют для себя элементы православного богослужения и т. д. и т. п. Протестантизм в России не только растет, но и становится все более русским.

Социальная направленность русских протестантов, их патристический порыв находят отражение и в конкретной политической деятельности. Особенно ярко политическая ориентированность русского протестантизма проявляется у пятидесятников. В оформлении помещений для богослужения часто используются российские флаги, регулярные молитвы за победу демократии тоже не редкость. Активное участие (обычно на стороне «Яблока», иногда — СПС) в предвыборных кампаниях — норма жизни пятидесятнических общин. Впрочем, активное участие в выборных кампаниях распространено не только среди пятидесятников. На думских выборах 1999 г., например, одна из самых больших в России методистских общин — Екатеринбургская — нарвалась на серьезные неприятности с областным избиркомом, потому что формально вошла в предвыборный штаб «Яблока», чем нарушила избирательное законодательство.

Протестанты бывают горячими патриотами, поборниками великой и процветающей России; среди них нетрудно, например, найти сторонников действий до полной победы в Чеченской войне. Но их патриотизм имеет свою специфику: представление о великой России для них — это автоматически представление о демократической, правовой стране с неукоснительным соблюдением прав человека. Они часто не любят западную массовую культуру, тем не менее Россия для них — западная страна, пороки Запада — это общие пороки христианского мира. Какой-то особый русский путь, с их точки зрения, — нелепая фантазия.

Ни российским общественным мнением, ни самими протестантами до сих пор не осознан существеннейший факт — за последние пятнадцать лет протестантизм укоренился на русской почве и становится реальным фактором всех сфер национальной жизни. Ближайшие годы станут временем осознания этого факта. У кого-то он вызовет невротические реакции, многие воспримут его неадекватно. Тем не менее это реальность российской жизни, которую попервоначалу следует хотя бы признать.

